

Вариативность трактовок категории «мягкая сила» в современной философии

Е.В. Андриенко, В.А. Чернышов

Донецкий национальный университет, Донецк

elena_andrienko8@mail.ru

Представлено философское исследование различных вариантов интерпретации категории «мягкая сила» в современном гуманитарном знании. Проанализированы вопросы взаимосвязи категории «мягкая сила» с понятиями «умная сила», «мягкая власть», «жесткая сила», «гибкая сила», а также понятием стратегического ресурса, политического и социокультурного влияния. Внимание акцентировано на существовании трех главных элементов «мягкой силы»: привлекательность культуры, политическая идеология и развитая дипломатия. Сделан вывод о том, что концепт «мягкой силы» принципиально нельзя считать всесторонне разработанным в связи с невозможностью формулировки единой трактовки и выделения общепризнанной структуры данного феномена, а также широким разнообразием национальных особенностей применения методов «мягкой силы» в современном мире.

Ключевые слова: мягкая сила; умная сила; общественное сознание; политика; культура; философия.

Variability of Interpretations of the Category of “Soft Power” in Modern Philosophy

Ye. V. Andriyenko, V. A. Chernyshov

Donetsk National University, Donetsk

elena_andrienko8@mail.ru

The article has been devoted to the philosophical study of various interpretations of the category of “soft power” in modern humanitarian knowledge. The author analyzes the relationship between the category of “soft power” and such concepts as “smart power”, “soft power”, “hard power”, “flexible power”, strategic resource, political and sociocultural influence. The emphasis has been made on the fact that there are three main elements of “soft power”: the attractiveness of culture, political ideology, and developed diplomacy. It has been concluded that the concept of “soft power” cannot fundamentally be considered comprehensively developed due to the impossibility of formulating a single interpretation and highlighting the generally recognized structure of this phenomenon, as well as a wide variety of national features of the application of “soft power” methods in the modern world.

Keywords: soft power; smart power; social consciousness; policy; culture; philosophy.

Вопросы «мягкой силы» приобретают все большую актуальность в современном мире в связи с рядом глобальных социокультурных и политико-экономических процессов. В контексте современной философии категория «мягкой силы» (англ. *soft power*) раскрывается через смысловые «понятия-сателлиты», несущие на себе расширенную нагрузку в общественном поле институциональных взаимодействий — «умная сила», «мягкая власть», «жесткая сила», «гибкая сила», стратегический ресурс, политическое и социокультурное влияние. В контексте социальной философии отдельную смысловую акцентуацию несет на себе общий дискурс смыслового среза понятия «мягкая мощь», в рамках которого осуществляется философское осмысление исторических преобразований политического поля цивилизации.

К проблематике «мягкой силы» обращаются сегодня многие исследователи. Это обусловило наличие большого количества теоретических подходов к данному феномену, представленных в работах как самого автора термина «мягкая сила» — Дж. Ная [8—10], так и других исследователей (в частности, К. Вагнера [11], Г. Б. Касирова [2], Д. М. Ковалевой [3], Ю. С. Лысенко [4], В. В. Миронова [5], О. Ф. Русаковой [6], Д. С. Сизарева [7]), что нередко порождает терминологическую путаницу. В связи с этим возникает необходимость анализа теоретических подходов к феномену «мягкой силы». Важнейшую роль при этом играет философский анализ данной проблемы, позволяющий исследовать ее комплексно и системно.

Целью данной работы является философское исследование вариативности существующих трактовок категории «мягкая сила».

Как справедливо отмечает Ю. С. Лысенко, концепт «мягкой силы» характеризуется следующим образом: «В философско-культурологическом и политическом смысловом значении данная формулировка включает в себя гибкость, пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость и соблазнительность, как характерные определяющие черты рассматриваемого концепта» [4, с. 429].

«Мягкая сила» как комплексная политика предполагает фундаментальную опору на потенциал национальной культуры и экономики, степень вовлеченности в мировые процессы взаимодействия стран, легитимность государственного строя, участие в международных престижных организациях. Так, Д. С. Сизарев полагает, что страны «Группы семи/восьми» [7] обладают большим потенциалом «мягкой силы» ввиду привлекательности группы, ее мирового престижа: «Как было ранее замечено, «мягкая сила» — это не только влияние, но и привлекательность. «Группы семи/восьми» основывается на привлекательности идей и ценностей, которые она пропагандирует, транслирует, и носителем которых сама является» [7, с. 102].

Следует отметить, что понятие «мягкой силы» работает в антитезисной связи с понятием «жесткой силы». В их диалектическом взаимодействии вскрываются действительные органические процессы политико-культурных общественных взаимодействий. В отличие от «мягкой силы», «жесткая сила» характеризуется, прежде всего, постоянством и устойчивостью влияния на социальные объекты, определенной степенью ригидности. Так, «жесткой силе» приписываются определенные характеристики, не присущие «мягкой силе», основные из них: давление с позиции силы, постоянство и устойчивость, непрерывность, непоколебимость, твердость, интенциональный напор [6, с. 173]. В понятие «жесткой силы» чаще всего входит комплекс сил, таких как военная мощь, экономическое или политическое давление.

Из узко локального понятия применительно к политике «глобального доминирования» США в мировой политике в разработке Дж. Ная [9], «мягкая сила» получает философское обоснование как универсальный инструмент, регулирующий внутренние и внешние общественные связи между стратами и классами, государственными и интернациональными корпорациями по «неболевым», адаптивной модели, в рамках которой осуществляется коммутационное

взаимодействие представителей различных социальных групп. Но самое широкое поле применения политика «мягкой силы» получает именно на международной арене, где в быстро меняющихся условиях конкуренции государств она показывает наилучший результат.

Можно условно выделить три главных составляющих элемента «мягкой силы», которые ей однозначно присущи: привлекательность культуры, политическая идеология и форма дипломатии. На примере США мы можем представить эту триаду в следующем виде: поп-массовая культура; либеральная демократия; элитарная дипломатия. Однако концепт «мягкой силы» включает в себя также ряд компонент, без которых он становится лишь теоретической проекцией, частично теряет возможность эффективного практического применения — это имиджевая привлекательность, вариативность подходов к решению сходных задач, благотворительная составляющая, популяризация и пиар-кампании. «Мягкая сила» может трансформироваться в «гибкую силу», которая способствует преодолению внутрисполитических и внешнеполитических кризисов без тотальной ломки общественно-государственного строя.

Истоки современной концепции «мягкой силы» специалисты видят в древнекитайской философии: «Идеи, схожие по своему действию с «мягкой силой», появились задолго до того, как концепт начал обсуждаться в американской политологии. Одним из самых древних источников считаются изречения Лао Цзы (VII в. до н.э.), полагавшего, что в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет» [3, с. 119]. Непосредственными идейными вдохновителями концепции «мягкой силы» можно считать концепцию «культурно-идеологической гегемонии» А. Грамши [1], концепцию «соблазна» Ж. Бодрийера, концепцию «обольщения» Жюль Липовецки. Так, концепт «мягкой силы» включает в себя не только понятия-сателлиты: «умная сила», «мягкая власть», «умная власть», «гибкая

сила», но и предшествующие его формированию базисные понятия — «культурно-идеологической гегемонии», «культурно-политического соблазна и обольщения». Тем не менее, предполагаются различия в оценке восприятия концепции «мягкой силы» и ее предшественниц, поскольку последние разрабатывались безотносительно к положительному или отрицательному имиджу их практической реализации в макиавеллистском ключе: политические методы должны быть эффективными, независимо от их морального содержания и общественного одобрения. Д. М. Ковалева вполне логично поясняет: «У Дж. Най «мягкая сила» имеет положительную коннотацию: она призвана создавать притягательный образ для привлечения союзников и формирования коалиций. У А. Грамши она имеет отрицательную коннотацию: это сила господствующего класса, которую необходимо свергнуть, воздействуя на нее ее же приемами — подтачивая «культурное ядро», постепенно подготавливая почву для революции» [3, с. 119—120]. Таким образом, просматривается еще одно различие в сфере применения методов социального воздействия в рамках концепции «мягкой силы» Дж. Най, которая ориентирована на внешнюю политику государства и международные отношения, и концепт понятий «культурно-идеологической гегемонии», «культурно-политического соблазна и обольщения», что разрабатывались для внутренних общественно-политических процессов в рамках отдельного государства.

Главным преимуществом концепта «мягкой силы» сегодня является его содержательное соответствие современным тенденциям либеральной политики в контексте всеобщих представлений о легитимности либеральной демократии как общественно-государственного строя, а также универсальность практических методов применения для внутренней и внешней политики (у мыслителей, преодолевших партикулярный характер концепции Дж. Най).

Следует отметить, что Дж. Най заложил основы концепции «мягкой власти»,

но рассматривал ее изначально лишь применительно к внешней политике США [8], не принимая во внимание возможность ее дальнейшей разработки и повсеместного использования. Но тот фундаментальный смысл, который автор закладывал в само понятие «мягкой власти», позволял расширение понятия, его многовекторное применение с определенными доработками в культурном поле различных этногосударственных объединений. По существу, Дж. Най выразил субстанциальный объем понятия «мягкая сила» в двух определениях, где более позднее определение расширяет значение более раннего. Первое определение сформулировано следующим образом: «Мягкая сила — это способность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей. Если вы можете заставить других желать то, чего вы желаете, вам не придется тратить много ресурсов на кнут и пряник, чтобы заставить их двигаться в нужном направлении [9, с. 10]. Из чего следует позиционирование «мягкой силы» как привлекательного политического продукта, с опорой на имиджевую составляющую, ядром которой выступает подача данной концепции и ее практических методов в общественных кругах как средство концептуального решения межклассовых противоречий, социальной напряженности ввиду материального расслоения и статусного несоответствия, эффективного метода конкурентной борьбы на межгосударственном уровне. Позднее Дж. Най расширил смысловое поле собственного понятия и сформулировал следующее определение: «Мягкая сила — это способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата» [10, с. 20–21]. В понятие притяжения автор вкладывал довольно широкий контекст, подразумевая под притяжением всю совокупность культурных и политических факторов, которые вызывают желание подражания, заимствования, солидарности: это и одобряемый образ жизни (к примеру, высокий уровень потребления

в соответствии с так называемой «американской мечтой»), притягательность основных проявлений массовой культуры, политическая система, соответствующая самым современным понятиям легитимности.

Теория «мягкой силы» сегодня претерпела значительные изменения, прежде всего, она приобрела универсальный характер и применяется к различным полинациональным государствам, таким как Китай или Индия [11]. Так, К. Вагнер переработал основные принципы Дж. Най для того, чтобы в полной мере исследовать ресурсы и потенциал политики «мягкой силы» в современной Индии [11]. А для Китая концепция «мягкой силы» является тем более актуальной, поскольку сегодня нарастает напряженность на цивилизационном разломе Запад–Восток, который вызван не только нарастающей конкуренцией в сфере научно-технических преобразований, но и несовпадением культурно-религиозных ценностей (секуляризированная западная цивилизация противостоит культуре традиционных ценностей восточной цивилизации). В данных условиях, целенаправленная политика «мягкой силы» может способствовать налаживанию культурных взаимодействий, диалога цивилизаций, помочь избежать открытых конфликтов и конфронтаций на международной арене через совместные культурные, экономические, гуманитарные программы. Кроме того, практические методы «мягкой силы» способны сыграть консолидирующую роль и внутренней общественно-политической жизни, способствовать гармонизации социума, укреплению национального самосознания и идентичности: «Мягкая сила» способна сплачивать людей, способствовать стабилизации социальных отношений, ослаблять недоверие в современной ситуации напряженности между различными социальными слоями, возрастными и профессиональными группами» [3, с. 123].

Одновременно осуществляются попытки переосмысления данной концепции, поиск ее места в классификационной схеме методов влияния в общественно-политической среде. Ш. Бреслин вводит новое,

более широкое понятие «нежесткой силы», которая дополняет в политике силовые методы социального воздействия и включает в себя «мягкую силу» как структурный элемент и интенционально ненасыщенный метод решения некоторых некритических форм социальных противоречий и межгосударственных противостояний. По мнению автора, сущность «мягкой силы» состоит в скрытой силе притяжения к определенной культуре и общественно-политическому строю, что укрепляет национальный имидж и легитимизирует власть [3, с. 122]. Однако применение «мягкой силы» с опорой на национальную культуру и государственные интересы не исключает возможности поиска консенсуса с другими акторами мировой политики, скорее наоборот: консенсус, как ценность универсального характера, следует считать неотъемлемым проявлением «мягкой силы».

Имеет место и конструктивная критика концепции «мягкой силы» и ее практических следствий как совокупности таких методов социального и политического воздействия, которые не имеют четкого определения и даже самостоятельного значения, работают лишь в жесткой сцепке с методами силового влияния, являясь по сути лишь неригидной частью общей внешнеполитической системы. Д. М. Ковалева поясняет: «Самое большое неудобство, связанное с использованием «мягкой силы», — невозможность полного ее контроля со стороны правительства, в отличие от вооруженных сил страны. Кроме того, это орудие не только не контролируемое, но и не точное: нельзя с абсолютной вероятностью предсказать, будут ли стратегии «мягкой силы» эффективны в конкретном регионе мира из-за влияния локального контекста» [3, с. 122]. Однако популярность политических методов «мягкой силы», несмотря на критику, сегодня растет, и в контексте современного общества это обуславливается определенными историческими условиями и свершившимися социальными преобразованиями.

В работах Дж. Найа также встречается понятие “*smart power*”, которое чаще всего

переводится как «умная сила» или же «гибкая сила», реже «виртуальная сила», «коммуникативная сила». «Наиболее распространенный перевод этого термина на русский язык — «умная сила», хотя в современном дискурсивном пространстве появился и второй контекст термина: виртуальная сила, коммуникативная сила... В издании одной из его книг на русском языке этот термин переведен как «гибкая сила» [5, с. 67]. «Умная сила» понимается автором как специфическая комбинация силовых и несиловых способов «игры» государства на международной арене, поскольку в XXI веке военное могущество все еще играет значительную роль в мировой политике. Таким образом, понятие «умной силы» выступает ключевой характеристикой «умной власти», умеющей задействовать все ресурсы «мягкой силы» для получения политических предпочтений и роли государства-лидера в условиях мирной конкуренции, но имеющей резерв неоспоримого военного могущества в качестве последнего аргумента.

В рамках социально-политической философии, концепция «мягкой силы» Дж. Найа активно разрабатывается и российскими учеными, которые имплементируют ее практические методы в условиях сложившейся системы международных отношений. Сам термин «мягкой силы» интерпретируется специалистами по-разному, в зависимости от авторского подхода и контекста восприятия.

Е.П. Панова классифицирует инструменты социального воздействия «мягкой власти» по их длительности, на краткосрочные (например, разнообразные медиаресурсы, СМИ, социальная реклама, гуманитарные миссии) и долгосрочные (стабильность государственных структур, легитимность власти, высокие социальные стандарты жизни людей, прогрессивное развитие науки и образования, значительные достижения в области экономики и общественных отношений, привлекательная модель развития самого государства).

Другой российский специалист О.Ф. Русакова подчеркивает, что политика «мягкой

силы» получает наибольшее развитие в тех странах, которые уже обладают заметным политическим весом на мировой арене и претендуют на одну из руководящих ролей в мировой политике, стремятся быть центрами притяжения, соответствующим полюсом власти или мировым центром коммуникаций и управления [6, с. 187].

Относительно развития политики «мягкой силы» в России, ее действие скорректировано для расширения влияния, прежде всего, в странах постсоветского пространства через культурные взаимодействия, языковые центры и программы, которые призваны популяризировать русский язык и культуру. Г.Б. Касирин подчеркивает, что сегодня Россия на международной арене остро нуждается в единой целенаправленной государственной политике в формате «мягкой силы», которая поддерживала бы положительный имидж страны, способствовала пересмотру негативных ярлыков и штампов и была направлена на формирование безопасного лимитрофа, ареала дружественных государств из стран СНГ, Южного Кавказа и Центральной Азии [2, с. 66].

Таким образом, сущностное содержание концепта «мягкой силы» (*soft power*) может быть классифицировано по следующей схеме: текущее состояние, ресурсы, методы. Наличие развитой политики «мягкой силы» в отдельном государстве означает более или менее продолжительное состояние привлекательности государства и его имиджевого образа в международных отношениях, притягательность культуры, системы ценностных ориентаций, общественно-государственного строя и официальной идеологии. Понятие «мягкой силы», благодаря работам Дж. Ная и других современных авторов, прочно закрепилось в социально-политическом категориальном аппарате и стало объектом научного изучения. Однако концепт «мягкой силы» нельзя считать всесторонне разработанным и завершенным ввиду отсутствия единой трактовки и общепризнанной структуры данного феномена, а также национальных особенностей применения методов «мягкой силы».

Литература

1. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.
2. Касирин Г. Б. «Для России приоритет пространства СНГ очевиден...» // Свободная мысль. М.: Политиздат. 2010. № 12(1619). С. 65—76.
3. Ковалева Д. М. Концепт Soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2013. № 13. Вып. 1. С. 118—132.
4. Лысенко Ю. С. Философско-теоретические основы концепта «мягкая сила»: структурный анализ // Молодой ученый. Казань: Изд-во Молодой ученый. 2017. № 19. С. 429—431.
5. Миронов В. В. Джозеф Най-младший и релятивистское понимание силы в международных отношениях // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут: СурГПУ. 2013. № 3. С. 64—72.
6. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (*soft power*) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2010. № 10. С. 173—192.
7. Сизарев Д. С. «Мягкая сила» в деятельности «Группы семи/восьми» // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. 2012. №4. Том I: Гуманитарные науки. С. 100—103.
8. Nye J. S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: Basic Books, 1990. 307 p.
9. Nye J. S. Jr. Soft Power. The means to success in world politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
10. Nye J. S. Jr. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011. 320 p. 10.
12. Wagner C. India's Soft Power: Prospects and Limitations. India Quarterly // A Journal of International Affairs. 2010. Vol. 66, № 4. P. 333—342.

Поступила 13.01.2020

Андреенко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), elena_andrienko8@mail.ru

Чернышов Владимир Анатольевич — аспирант кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), black270@mail.ru

References

1. Gramshi A. Tjurementnye tetradi. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1991. 560 s.
2. Kasirin G. B. «Dlja Rossii prioritet prostranstva SNG ocheviden...» // Svobodnaja mysl'. M.: Politizdat. 2010. № 12(1619). S. 65—76.

3. Kovaleva D. M. Koncept Soft power kak predmet izuchenija sovremennoj politicheskoj nauki i teoreticheskaja osnova vneshnepoliticheskikh strategij [Concept of Soft Power as subject of study of modern political science and theoretical basis for foreign policy strategy] // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN. 2013. № 13. Vyp. 1. S. 118—132.
4. Lysenko Ju. S. Filosofsko-teoreticheskie osnovy koncepta «mjagkaja sila»: strukturnyj analiz // Molodoj uchenyj. Kazan': Izd-vo Molodoj uchenyj. 2017. № 19. S. 429—431.
5. Mironov V. V. Dzhozef Naj-mladshij i reljativistskoe ponimanie sily v mezhdunarodnyh otnoshenijah [JOSEPH NYE JR. AND RELATIVISTIC UNDERSTANDING OF FORCE IN INTERNATIONAL RELATIONS] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Surgut: SurGPU. 2013. № 3. S. 64—72.
6. Rusakova O. F. Koncept «mjagkoj sily» (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN. 2010. № 10. S. 173—192.
7. Sizarev D. S. «Mjagkaja sila» v dejatel'nosti «Gruppy semi/vos'mi» [Soft Power» in Activity of «the Group Seven/Eight»] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Jaroslavl': JaGPU im. K.D. Ushinskogo. 2012. №4. Tom I: Gumanitarnye nauki. S. 100—103.
8. Nye J. S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: Basic Books, 1990. 307 p.
9. Nye J. S. Jr. Soft Power. The means to success in world politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
10. Nye J. S. Jr. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011. 320 p. 10.
11. Wagner C. India's Soft Power: Prospects and Limitations. India Quarterly // A Journal of International Affairs. 2010. Vol. 66, № 4. P. 333—342.

Submitted 13.01.2020

Andriyenko Olena V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, professor at the , Donetsk National University (83000, Universitetskaya str., 24, Donetsk, Ukraine), elena_andrienko8@mail.ru

Chernyshov V. A., postgraduate student of the Philosophy Department, Donetsk national University (83000, Universitetskaya str., 24, Donetsk, Ukraine), black270@mail.ru